

© Е.А. Давыдова, В.Н. Давыдов

ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ И ЛИЧНОЕ: ОПЫТ ПОЛЕВОЙ РАБОТЫ НА ЧУКОТКЕ ВСЕЙ СЕМЬЕЙ

Ключевые слова: Арктика, Чукотка, методы полевой работы, рефлексия поля, автоэтнография, производство знания, антропология пищи, автономность, пищевая безопасность

В данной статье рассматривается специфика этнографической работы, осуществляемой исследователем вместе с членами своей семьи. Рефлексируя над собственным опытом, полученным во время трех экспедиционных выездов (2017–2019 гг.) на Чукотку общей продолжительностью полгода, мы анализируем, как присутствие в поле семьи антрополога, и главным образом ребенка, влияет на процесс этнографической работы и сбора материалов. Обсуждение сфокусировано на методах полевого исследования, специфика которых была во многом обусловлена тем, что мы находились в поле вместе с сыном. При этом за время трех экспедиций способы взаимодействия с информантами претерпели существенные трансформации. Анализ контекста проделанной этнографической работы позволил проследить эволюцию как наших взглядов на “поле с детьми”, так и применяемых нами исследовательских подходов. В статье рассмотрено, как ребенок, обладая субъектностью, определяет методы полевой работы, фокус наблюдений и даже в определенной степени влияет на процесс антропологической интерпретации. На примере нашей экспедиционной деятельности в селах и тундре показано, что сбор этнографических данных в условиях вынужденного присутствия в поле ребенка исследователя требует поиска автономности и выработки стратегий пищевой безопасности. Мы не столько описываем положительные и отрицательные стороны, а также вызовы полевой работы, осуществляемой в сопровождении членов семьи, сколько стремимся показать, каким образом антропологическое знание производится в процессе сотрудничества родителей-исследователей, их детей и информантов.

Елена Андреевна Давыдова | <http://orcid.org/0000-0002-9299-7551> | elenav0202@gmail.com | к. и. н., научный сотрудник | Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (Университетская наб. 3, Санкт-Петербург, 199034, Россия) | научный сотрудник | Чукотский филиал ФГАОУ ВО “Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова” (ул. Студенческая 3, Анадырь, 689000, Россия)

Владимир Николаевич Давыдов | <https://orcid.org/0000-0003-2738-4609> | davydov.kunstkamera@gmail.com | к. соц. н., Ph.D., заместитель директора по научной работе | Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (Университетская наб. 3, Санкт-Петербург, 199034, Россия) | научный сотрудник | Чукотский филиал ФГАОУ ВО “Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова” (ул. Студенческая 3, Анадырь, 689000, Россия)

Исследование проведено при финансовой поддержке следующих организаций и грантов: Российский научный фонд, <https://doi.org/10.13039/501100006769> [проект № 19-78-10002]

Этнографическое обозрение. 2020. № 3. С. 121–140. <https://doi.org/10.31857/S086954150010052-7>

© Российская академия наук | © Институт этнологии и антропологии РАН
ISSN 0869-5415 | Индекс 70845 | <http://journal.iea.ras.ru>

В фокусе данного исследования находится проблема сбора этнографических данных в контексте повседневного взаимодействия различных социальных агентов. Мы анализируем, каким образом фактор присутствия в изучаемом регионе семьи антрополога влияет на процесс получения и интерпретацию информации, а также рассматриваем проблему перформативности, возникающую в ходе полевой работы. На примере собственного опыта, приобретенного во время экспедиционных выездов на Чукотку, мы стремимся показать, что поле в определенной степени конструируется и иногда “придумывается” самим исследователем в процессе взаимодействия с информантами.

Мы не утверждаем, что антрополог, работая в поле вместе с женой/мужем и детьми, приобретает альтернативный способ получения информации об изучаемом сообществе. Однако нужно отметить, что полевая работа является неотъемлемой составляющей жизни исследователя. Занимаясь сбором этнографических данных, ученый неизбежно сталкивается с различными событиями и ситуациями: например, он может влюбиться, заболеть, получить травму или вступить в конфликт, что зачастую позволяет ему увидеть новые грани повседневной жизни и дополнительные перспективы. Работа в поле с ребенком неминуемо сопряжена с ежедневными трудностями и бытовыми проблемами, что накладывает существенные ограничения на мобильность ученого, его включенность в определенные ситуации, а также на используемые им стратегии этнографической работы. Осмысление процесса проведения исследования в ситуации вынужденного присутствия ребенка позволяет изучить различные формы взаимодействия с полем, проанализировать способы выстраивания поля и налаживания отношений с информантами. В этом контексте именно невозможность работать в отрыве от членов семьи заставляет исследователя по-новому взглянуть на себя и на тех, кого он изучает. В данной статье мы попытаемся осмыслить, каким образом сам процесс наблюдения и его последующий анализ зависят от контекста этнографической работы, а также поразмышлять над тем, какое влияние оказывают присутствие в поле членов семьи исследователя и их субъектность на сбор и интерпретацию полученных данных.

На протяжении 2017–2019 гг. мы осуществили три экспедиционных выезда вместе с сыном в Чукотский автономный округ общей продолжительностью полгода. Являясь антропологами-североведами, а также супругами и родителями, мы на определенный период времени вынуждены были объединить семейную и профессиональную деятельность в целях получения полевого этнографического опыта. Случаи проведения совместной полевой работы исследователями, которые состоят в браке, не являются новшеством, а, напротив, широко представлены в истории антропологии (*Gottlieb* 1995: 22–23). Можно упомянуть таких ученых, как Грегори Бейтсон и Маргарет Мид, Розмари и Раймонд Фёрс, Виктор и Эдит Тёрнер, Джон и Джин Комарофф и др. В североведческой традиции совместная работа супругов также не является редкостью. Яркими примерами является сотрудничество Владимира Германовича Богораза с супругой Софьей Константиновной, Сергея Михайловича и Елизаветы Николаевны Широкогоровых, Бориса Алексеевича Куфгина и Валентины Константиновны Стешенко-Куфгиной. Из современных исследователей совместную полевую работу проводили, например, Иштван Шанта и Татьяна Владимировна Сафонова, Эндрю Вигет и Ольга Эдуардовна Балалаева, Александр Игоревич Волковицкий и Александра Сергеевна Терехина. Вместе с женой на Камчатке работал антрополог-лингвист Алекс Кинг. Наконец, с супругой и детьми в поле находился Алекс Ойлер. Таким образом, проведение полевых исследований совместно с членами семьи является довольно распространенным явлением в среде антропологов и этнографов.

Безусловно, присутствие в поле супруга, даже не являющегося профессиональным исследователем, не сводимо исключительно к решению технически-организационных

вопросов проведения экспедиции. Совместная работа в поле, как правило, выливается в творческое сотрудничество, которое в конечном счете формирует производимое антропологическое знание. Задолго до рефлексивного поворота в антропологии об этом задумывались супруги Широкогоровы. Например, Сергей Михайлович постоянно подчеркивал, что совместная деятельность позволила им с женой увидеть гораздо больше, чем увидел бы каждый из них в отдельности. Во введении к книге “Социальная организация северных тунгусов” исследователь пишет:

Более всего я обязан моей жене мадам Е.Н. Широкогоровой, которая в продолжение всех моих экспедиционных работ, несмотря на огромные трудности путешествий и тяжелые условия жизни в подобных экспедициях, очень много помогала мне в сборе материалов. На самом деле, ее участие в этих экспедициях дало мне возможность не только расширить собранный материал, но и облегчило установление дружественных отношений с тунгусами и маньчжурами, с которыми нам приходилось общаться, поскольку эти народы обыкновенно не доверяют даже самым мирным исследователям, путешествующим без своих семейств. Кроме того, проникнуть в интимные стороны жизни народа без помощи женщины порой совершенно невозможно. Наконец, во многих случаях наблюдение разных фактов, особенно обрядов и ритуалов, одновременно происходящих в разных местах, требует сотрудничества по крайней мере двух полевых исследователей (*Широкогоров 2017: 12*).

В свою очередь, Елизавета Николаевна в дневнике экспедиции в Забайкалье летом 1912 г. делает записи, которые свидетельствуют о ее активном участии в полевых исследованиях. Она рефлексивирует над тем, каким образом работал ее муж, что позволяет реконструировать контекст сбора информации супругами. Дневник очень тонко передает психологические моменты их взаимодействия:

Сережа еще и сегодня держал целую речь по поводу скота (*Широкогорова 2018: 203*).

У Сережи начала проявляться какая-то бессмысленная авторитетность. Теперь он уже не переносит никаких возражений. Боюсь вступать с ним в какие-либо споры, чтобы он уже не разнервничался (Там же: 203).

День начался обыкновенно, и я опять ничего не успевала сделать. Вечером пустили в ход фонограф. С большим трудом удалось добиться, чтобы они что-нибудь спели. С одной стороны, им не хотелось, но и конфузились. Петь им хотелось и нужно было для этого изолировать Сережу (Там же: 210).

Тем не менее в научных трудах рефлексия процесса этнографического исследования, в том числе специфики работы антрополога вместе с членами семьи, фактически до середины 1980-х годов во многом оставалась за кадром, присутствуя только на страницах полевых дневников, в личных воспоминаниях и письмах ученых. Рефлексивный поворот в антропологии проблематизировал субъектность автора, создающего описание культур (*Clifford 1986: 13*). Антропологи стали активно обсуждать воздействие гендерной и этнической идентичности, возраста, политических и институциональных взглядов, а также биографии исследователя на создаваемые им тексты. В частности, появился целый ряд публикаций, посвященных этнографической работе, проводимой супругами-исследователями в присутствии их детей, в которых обсуждались вызовы и преимущества “полевой работы в сопровождении” (*accompanied field work*)¹. Кроме того, производство антропологического знания стало рассматриваться не как индивидуальное достижение конкретного ученого, а как процесс его многостороннего и разнонаправленного сотрудничества с различными категориями людей: с информантами, научным руководителем, студентами, рецензентами и коллегами, а также членами своей семьи².

В данной статье мы хотим инициировать переосмысление концепции поля. Мы понимаем его не как “заданное пространство, в которое вступает полевой исследователь”, а как то, что конструируется и формируется сетью отношений (*Gupta* 2014: 399). В работе будет показано, какую роль играет ребенок, находящийся в экспедиции с родителями-исследователями, в процессе создания этнографического знания и его интерпретации. Во-первых, мы проанализируем, как взаимодействие друг с другом и с местными жителями определяло наше поле. Во-вторых, мы покажем связь между личной жизнью ученых, процессом полевой работы и формированием антропологических концепций — или даже сотрем границу между ними.

Меняющееся поле

По прошествии времени мы можем признать, что каждая из трех экспедиций на Чукотку принесла нам совершенно разный полевой опыт. Отчасти это можно объяснить ориентированностью каждой поездки на различные задачи, локальности, а также темпоральностью нашей полевой работы. Первая экспедиция проходила зимой 2017–2018 гг., по большей части в оленеводческом селе Амгуэма Иульгинского р-на Чукотского автономного округа. Мы осуществили два непродолжительных выезда в тундру на трэколе и снегоходе, но не решались надолго оставаться в стоянках оленеводческих бригад с маленьким ребенком в холодное время года. Во время второго приезда, летом 2018 г., мы снова оказались в Амгуэме, но уже с целью проведения работ непосредственно в тундре. В этот раз одна из оленеводческих бригад (она сохранила свой порядковый номер, присвоенный в советские времена, и до сих пор называется местными жителями “пятая бригада”), входящая в состав муниципального унитарного сельскохозяйственного предприятия “Амгуэма”, несмотря на обременительность гостевания семьи с ребенком, дважды приняла нас для проживания в одной из своих яранг. Во время третьей экспедиции (март–апрель 2019 г.) мы находились в береговом селе Нутэпэльмен, расположенном на достаточном удалении от Амгуэмы. Данный населенный пункт, как и оленеводческое село, в советское время входил в совхоз “Полярник”, но его жители занимались морским зверобойным промыслом.

В целом наше исследование было сфокусировано на Иульгинском районе, в который входят все упомянутые населенные пункты. Подчеркнем, что Амгуэма, Нутэпэльмен, тундра и даже районный центр Эгвекино тесно связаны между собой: жители постоянно перемещаются между ними, тем самым сохраняя и поддерживая существующие родственные, дружеские, профессиональные отношения.

Наше представление о поле менялось под воздействием не только пространственных и временных особенностей нашей работы, но и людей, с которыми мы общались. В статье будет показано, что мы сами и прежде всего наш ребенок формировали концепцию своего поля. Когда мы впервые приехали на Чукотку, нашему сыну был один год и десять месяцев, в начале второй экспедиции — два с половиной года, к началу третьей ему исполнилось три. В этом возрасте дети быстро растут и весьма заметно меняются. В этой связи агентность ребенка в поле, о которой уже писали родители-антропологи (см.: *Farrelly et al.* 2014: 31; *Hardman* 2001: 503–504; *Korpela et al.* 2016: 15), в разном возрасте проявлялась всегда особенным и порой неожиданным для нас образом.

Во время подготовки ко второй поездке мы думали, что знаем, чего ожидать от присутствия ребенка в поле: с какими сложностями мы можем столкнуться, какие существуют риски, а также какую пользу мы сможем извлечь из этой ситуации. И планы предстоящей работы мы строили в соответствии с этими соображениями. Но, оказавшись на Чукотке, мы начали понимать, что все идет совершенно не так, как мы предполагали. Полевые стратегии, которые использовались нами более-менее успешно в предшествующих выездах, вдруг перестали работать. Например,

во время первой поездки мы довольно успешно проводили интервью в присутствии ребенка. Во второй же и особенно в третий экспедиционные выезды мы полностью переосмыслили наши взгляды и, следовательно, изменили способы работы, вплоть до практически полного отказа от метода интервью.

В силу того, что мы являемся коллегами и имеем довольно схожие научные интересы (Арктика, североведение, оленеводство), ни один из нас, находясь в поле, не мог полностью взять на себя все основные хлопоты по уходу за ребенком. Изначально мы планировали разделяться на время в течение дня и проводить исследования индивидуально, по очереди оставаясь с ребенком и обсуждая вечером результаты проделанной работы. Однако практически сразу информанты воспротивились такой форме взаимодействия с нами. Когда кто-то из нас приходил к ним в гости с целью взять интервью, они, не скрывая своего недоумения и недовольства, спрашивали о том, где находятся и что делают остальные члены семьи. Люди часто подчеркивали, что хотели бы видеть нашего сына у себя в гостях. Весть о нашем приезде быстро распространилась по селу. Люди искренне заинтересовались семьей этнографов с ребенком. Местным жителям было интересно узнать нас, понять, зачем мы приехали и почему взяли в такую дальнюю поездку своего сына. В результате мы изменили способ работы и стали общаться с амгуэмцами всей семьей. Постепенно мы поняли, что такая форма взаимодействия является оптимальной в нашей ситуации и имеет много преимуществ.

Многие родители-антропологи уже отмечали, что дети могут способствовать установлению более близких отношений с людьми, быстрому и легкому “вхождению” в поле (*Cornet, Blumenfeld 2016b: 5; Cupples, Kindon 2003: 214; Korpela et al. 2016: 15*). Действительно, общение с информантами в присутствии нас обоих и нашего сына решало проблему перехода от опроса к живой беседе и диалогу. Люди переставали чувствовать себя объектом изучения и расслаблялись, а благодаря ребенку в разговорах появлялось много шуток, что способствовало еще большему раскрепощению. В ходе коммуникации, опосредованной присутствием ребенка, информанты наблюдали за нами в контексте нашей собственной социальной среды. В их глазах мы переставали быть только исследователями, приходящими с набором вопросов, тетрадкой, фотоаппаратом и диктофоном, а становились родителями и супругами со своими потребностями. В результате у людей формировалось более полное представление о нас. В этом смысле отношения субъект—объект переставали быть однонаправленными: не только мы изучали амгуэмцев, но и они нас — “питерцев”. В результате наше взаимодействие с информантами приобретало эгалитарный характер, так как мы превращались в “наблюдаемых наблюдателей” (*Cupples, Kindon 2003: 211*). Кроме того, исследователь, находясь в незнакомой и непривычной для себя среде вместе с самыми близкими и дорогими людьми, становится особенно уязвимым и зависимым от окружения. Данное обстоятельство также лишает антрополога власти над ситуацией и возможности быть независимым сторонним наблюдателем общества, в котором он временно оказался.

Также следует отметить, что дети в возрасте двух-трех лет (столько было нашему сыну во время экспедиций на Чукотку) ощущают время не так, как взрослые: каждый день для них — вечность, поэтому чувства, которые они испытывают, будь то радость, горе или обида, бескомпромиссные и абсолютные. Их невозможно успокоить обещанием, что завтра/через неделю/через месяц и т.д. все закончится и мы снова окажемся в домашней обстановке. В этой связи и мы, вслед за ребенком, не могли относиться легкомысленно к нашему новому, пускай и временному, месту пребывания. Поле неизбежно становилось нашим домом. У нас возникло чувство, что мы здесь надолго. То же ощущали и местные жители: информанты начинали воспринимать нас как людей, приехавших насовсем. Например, нас много раз приглашали остаться в регионе или селе, обещая, что подыщут работу и жилье. Местные

жители словно ощущали серьезность наших намерений, ориентацию именно на продолжительное общение, с которым связан целый набор взаимных обязательств: например, люди обещали помочь нам организовать выезд в тундру, когда мы приедем в следующий раз, и вместе с тем просили привезти определенные товары из Санкт-Петербурга.

Размышляя о множественных способах организации времени (*Урри* 2012: 154–189; *Ssorin-Chaikov* 2017) и возвращаясь к вопросу об интервьюировании в присутствии ребенка, следует отметить, что сын задавал нашему общению с информантами определенную темпоральность. Он как будто растягивал во времени все действия. Когда мы приходили к местным жителям без сына, интервью через относительно короткий промежуток времени заканчивалось, так как люди уставали отвечать на вопросы. В таких случаях оставаться дольше у них дома не всегда было удобно – во всяком случае, официальных поводов могло и не найтись. Маленький ребенок вынуждал взрослых, родителей и гостей, совершать параллельно с общением множество других действий: гигиенические процедуры, кормление, игры, укладывание спать и т.д. Причем хозяева также участвовали в этих процедурах, играя с ребенком, угощая его, включая мультфильмы по телевизору и подыскивая место для сна. Так, нередко мы приходили к информантам утром, но в круговороте действий по уходу за ребенком, делая небольшой перерыв на его дневной сон, мы внезапно обнаруживали, что уже наступил вечер. Таким образом, мы могли весь день провести вместе с людьми, неспешно задавая интересующие нас вопросы. Во время первой экспедиции мы без проблем брали интервью у местных жителей ежедневно, параллельно делая наблюдения и ведя полевой дневник. Конечно, следует признать, что и некоторые отличительные черты нашего поля благоприятствовали такой модели общения. На Чукотке безмерная любовь к детям является культурной особенностью, о чем говорили сами информанты и о чем ранее писали этнографы (*Богораз* 1934: 101). В частности, местные жители говорили, что если в доме спит чужой ребенок – это хорошая примета. Не удивительно, что дневной сон нашего сына в гостях у информантов всячески поощрялся и являлся предметом гордости и даже соперничества среди амгуэмцев.

Однако во время второй экспедиции описанная стратегия, удобная для нас, перестала работать. По воле ребенка нам пришлось существенно ограничить применение метода интервью. Наш сын был категорически против скучных в его восприятии бесед. К этому времени он уже довольно неплохо разговаривал и мог отчетливо обозначить свою позицию. Ребенок легко и непринужденно сообщал всем присутствующим свои претензии: например, он мог сказать или показать, что ему душно или скучно, что невкусно пахнет, что он хочет гулять или ему не нравятся не обращенные к нему разговоры или еда, которой его угощают. Такое поведение очень контрастировало с образом его действий во время первой экспедиции, когда он, во-первых, полноценно не говорил, во-вторых, просто хотел быть рядом с родителями, в-третьих, был на грудном вскармливании, которое в местном сообществе всячески поощряется. Именно в период второй экспедиции мы стали испытывать фрустрацию из-за чрезвычайной сложности совмещения заботы о ребенке и научного исследования.

В этой ситуации нам помог выезд в тундру, в оленеводческую бригаду. Совместная жизнь с людьми в яранге сама по себе давала очень много информации: мы на постоянной основе могли наблюдать за их повседневным бытом. Кроме того, у нас не было времени на беседы с информантами. Жизнь в яранге для нас являлась непривычной в физическом плане. Такие действия, как приготовление еды на костре, сон в пологе (спальное место, представляющее собой подвешенный к жердям яранги меховой мешок), стирка, гигиенические процедуры не могли выполняться автоматически, а требовали рефлексии и приложения усилий с нашей стороны. Приходилось учиться у оленеводов этим бытовым навыкам. Например, когда у нас стали

Рис. 1. В гостях вместе с ребенком, с. Амгуэма (фото авторов, 2018 г.)

заканчиваться подгузники, женщины показали автору (Е.Д.), как потрошить, сушить и набивать оленьим мехом использованные памперсы. Как отметила К. Домброски, уход за ребенком является физическим трудом, и именно телесность материнских задач научила ее обращать внимание на свое тело и тела других людей в поле (Farrelly et al. 2014: 35). В нашем случае телесность материнства усиливала ощущение физической беспомощности в тундре и вынуждала быстро приспособляться к жизни в столь непривычных для нас условиях. В результате дни проходили в хлопотах и бытовом общении с людьми.

Во время третьей экспедиции, которая проходила в береговом поселении Нутэпэльмен, исследованию также помогло совместное проживание с информантами. Там нам не удалось найти отдельный дом или квартиру, которые были бы пригодны для жизни с ребенком, как мы изначально планировали и как это было в Амгуэме во время первой и второй поездок. Когда мы приехали в Нутэпэльмен, нам был предоставлен типичный для данного села так наз. коттедж Абрамовича, построенный по канадской технологии. Строительство жилья данного типа началось во многих селах полуострова во время работы Р.А. Абрамовича на посту губернатора Чукотского автономного округа. В Нутэпэльмене (в отличие от Амгуэмы) подобные дома не имеют удобств – центрального отопления, канализации и водопровода. Отапливаются они самими жильцами углем, хранящимся в металлических контейнерах рядом с домами. Коттедж, в котором мы оказались, в тот момент пустовал, так как его хозяин для экономии угля перебрался на зиму жить к своему брату – обычное для северных регионов “сезонное уплотнение” обитателей (см.: Mauss 1979: 36–56).

Однако наша самостоятельная жизнь в этом коттедже не задалась с самого начала. В доме вышла из строя система отопления, работающая от твердотопливного котла, и все помещение обогревалось небольшой печкой-буржуйкой, которую нужно было регулярно разжигать с помощью дров и подсыпать уголь. Ночью температура

Рис. 2. В яранге “пятой” оленеводческой бригады, Амгудамская тундра (фото авторов, 2018 г.)

падала до нуля градусов, а днем мы проводили все время за добычей угля, дров, картона, растопкой печи и поддержанием процесса горения. Однако за три дня нам так и не удалось полностью прогреть дом, его стены оставались покрытыми слоем льда, а у ребенка начала подниматься температура. Тогда мы решили попросить кого-то из местных жителей взять нас на постой, так как понимали, что у нас нет достаточного количества топлива, а выданный нам электрический тепловентилятор почти не помогает в обогреве. Жившая по соседству пенсионерка согласилась предоставить нам одну комнату в своем двухкомнатном коттедже. В доме она проживала одна, однако среди односельчан у нее было много родственников и друзей. Таким образом, поселившись в коттедже этой женщины, мы непроизвольно втягивались в жизнь ее семьи.

Более того, надо сказать, что наше самостоятельное проживание в течение нескольких дней в коттедже также являлось способом приобретения этнографических знаний. В тот период мы не могли уделять время сбору интервью и другим задачам в рамках наших исследований, поскольку все силы были направлены на создание условий, безопасных для здоровья нашего ребенка. Наша жизнь превратилась в борьбу за добычу ресурсов: топлива, воды, продуктов и бытовых предметов (мы искали тазы, ведра, тряпки, обогреватель). Нугэпэльменцы охотно помогали нам, и на третий день у нас скопилось большое количество переданных на время предметов, включая небольшой телевизор — местные жители принесли его, чтобы у нашего ребенка была возможность смотреть мультфильмы. Нам также помогли растапливать печь, при этом сжигая ограниченные запасы угля, дров и картона. Этот позитивный и в то же время стрессовый опыт помог нам не только завязать множество знакомств, но и быстро понять, как происходит распределение пресной воды в поселке, как хранится, используется, экономится уголь, как регулируются тепловые режимы в доме, как добыть дрова и бумагу для розжига, как вовремя купить хлеб и т.д.

Во время второго и третьего выездов ребенок фактически лишил нас возможности применять метод интервью, которым мы по преимуществу пользовались ранее и который считали комфортным и продуктивным, и заставил мобилизоваться в других направлениях – иными словами, сделать акцент на альтернативных способах сбора этнографических данных. Кроме того, подчеркнем, что, когда мы находились в поле, именно желания сына определяли наш маршрут: он вел нас в ту или иную ярангу в тундре (в которой находились другие дети, игрушки или угощения), в контору оленеводческого предприятия в Амгуэме (где сотрудницы бухгалтерии угощали его чаем с печеньем, а в мастерской стояли интересные ему вездеходы), на почту в Нутэпэльмене (в которой продавались детские товары) или просто в гости к конкретным людям, с которыми ему нравилось проводить время.

Мы позволим себе привести пример из нашего полевого опыта, приобретенного во время второй экспедиции, который показывает, как ребенок может изменить планы родителей и повернуть исследование в новое русло. После двухнедельного проживания в тундре мы приехали в Амгуэм с целью закупки еды и стирки личных вещей. Мы собирались вернуться в бригаду через несколько дней, к празднику осеннего забоя оленей *Н'энрирбун* (о празднике см.: *Vaté* 2013: 183–199). На данное мероприятие в тундру, безусловно, должны были ехать друзья и родственники оленеводов из села, и мы планировали присоединиться к кому-то из них. Местные жители знали о нашем желании и говорили, что, если нам повезет, мы окажемся на празднике. Высказывание “повезет – не повезет” является обычным для амгуэмцев. Следует отметить, что подобные поездки в тундру не имеют четкого расписания. Напротив, они довольно спонтанны, и мы должны были быть готовы к отъезду в любой день и час. Забегая вперед, скажем, что удача была не на нашей стороне. В день, когда должна была состояться наша поездка, как мы впоследствии узнали, в селе отключили воду и электричество. В таких условиях мы не могли приготовить обед и покормить ребенка. Наша знакомая пригласила нас на берег реки Амгуэма, чтобы приготовить еду на костре. Ребенку очень нравилось общаться с этой женщиной, и мы решили отлучиться на пару часов. Именно в момент нашего отсутствия местный мужчина, собиравшийся в тундру на праздник, заехал за нами, но, не дождавшись нас, отправился в путь. Дозвониться нам по телефону или оставить сообщение в мессенджере он не смог, поскольку из-за отключения электричества в селе не работали интернет и сотовая связь.

Данное совпадение казалось нам в то время очень неудачным. Ведь организовать выезд в тундру с оказией довольно сложно, а мы упустили наш шанс попасть туда. Через пару дней, вероятно из-за ветра на реке, ребенок сильно заболел, и мы отправились в Эгвекинот за врачебной помощью, расстроенные происходящим. Однако вместе с нами на машине в Эгвекинот поехали наши знакомые оленеводы, которые планировали провести там последние дни отпуска. Ежедневное общение с этой семьей, походы на рыбалку, совместный прием пищи, прогулки, гостевание в квартире их дочери в Эгвекиноте, во-первых, позволили нам наблюдать за этими людьми и общаться с ними за пределами яранг или жилых помещений села Амгуэма и сформировать более полное представление об их образе жизни. В частности, это помогло нам понять принцип распределения имущества в пространственном континууме тундра–Амгуэма–Эгвекинот (*Давыдов* 2019: 162–170). Во-вторых, нам удалось более близко познакомиться и подружиться с этой семьей. В результате они позвали нас с собой в тундру для проживания в их яранге, куда мы и отправились после десятидневного пребывания в Эгвекиноте. По прошествии времени мы нисколько не жалеем, что тогда из-за сына мы пошли на берег реки Амгуэма для приготовления обеда: благодаря этому событию мы завязали близкие отношения с нашими будущими ключевыми информантами-оленеводами. Данный эпизод из полевой жизни, а также многие другие истории говорят о том, что ребенок обязывал нас быть особенно гибкими

Рис. 3. Чаепитие на берегу р. Амгуэма (фото авторов, 2018 г.)

в наших ежедневных взаимодействиях с людьми, перемещениях, организации времени, привнося “плодотворные моменты серендипности” (Korpela et al. 2016: 16) в процесс полевой работы.

Автономность, мобильность и пищевая безопасность при полевой работе в условиях Арктики с детьми

Различные авторы уже отмечали, что присутствие ребенка в поле заставляет его родителей-исследователей сфокусироваться на определенных темах или подталкивает их к изучению определенных сюжетов (см.: Farrelly et al. 2014: 35; Korpela et al. 2016: 4). В частности, антропологи писали, что взаимодействие супругов и их детей с информантами (*research participants*) в рамках полевой работы приводит к более глубокому пониманию гендерных и семейных отношений, особенностей материнства, деторождения и восприятия этничности в изучаемом сообществе (Cupples, Kindon 2003: 224; Cornet, Blumenfeld 2016b: 5; Schrijvers 1993: 143–158).

Наши экспедиционные выезды финансировались двумя грантами, один из которых предполагал изучение изменения диеты местных жителей на Чукотке в XX–XXI вв. (рук. Е.А. Давыдова), второй – исследование энергетических процессов в Арктическом регионе (рук. В.Н. Давыдов). Тематика полевой работы определялась нашими научными интересами и обязательствами перед фондом, но не присутствием в поле ребенка, как, например, это было у Л. Хирви и К. Домброски (Farrelly et al. 2014: 35; Korpela et al. 2016: 4).

Однако теперь мы осознаем, что восприятие поля, характер получаемой информации и даже антропологическое понимание увиденного и пережитого нами на Чукотке стали результатом жизни и работы в поле в условиях постоянного присутствия нашего сына. Сравнивая опыт трех поездок, мы можем сказать, что наше видение

проблем, связанных с питанием, было различным в период каждой из наших экспедиций. Проводя этнографические исследования во время второй и третьей поездок, мы постоянно чувствовали, что недостаточно работаем по своим темам. Данные мысли были связаны с тем, что из-за ребенка у нас не было возможности сбора нарративов в течение всего дня, как это было в период первой поездки на Чукотку. На этом этапе нам было сложно задавать большое количество вопросов, и все наше исследование фактически свелось к жизни в поселке или тундре, а основным методом работы стало наблюдение. Подобно К. Домброски (*Farrelly et al.* 2014: 35), мы приобрели множество связей с местными жителями и этнографический опыт, но при этом мы собрали лишь небольшое количество данных (*data*) в виде интервью и подробных дневниковых записей. Но, в отличие от упомянутой исследовательницы, которая впоследствии заполнила лакуны в своей работе с помощью последующего выезда в поле без ребенка, авторам ничего не оставалось, кроме как увидеть в этих многочисленных незавершенностях нечто большее — этнографический материал.

Среди путешественников-мужчин бытует мнение о том, что поездка с супругой и детьми лишает их мобильности и возможности изучить “настоящую жизнь”, полную рисков и опасностей. Подобную точку зрения одному из авторов данной публикации (В.Д.) высказал известный блогер, который за несколько дней посетил три поселка и сумел отснять интересные видеосюжеты. С другой стороны, получение впечатлений от быстрого сбора материалов — не задача антропологического исследования, в рамках которого важно увидеть, как формируются связи и отношения между местными жителями. Мужчине-исследователю поездка с семьей как раз и предоставляет возможность избежать соблазнов полного приключений “маскулинного” поля, образ которого может являться зеркалом самого ученого. Именно подобная практика полевой работы позволяет замедлить темп смены событий, фактически сдерживать течение времени, что и дает возможность оглядеться вокруг, увидеть больше деталей, контекста и на собственном опыте понять, каким образом организованы местные практики.

Оказавшись в поле, исследователь, безусловно, стремится увидеть как можно больше различных ситуаций и взаимодействий. Данное стремление порождает ориентацию ученого на высокую мобильность, формирует его готовность поменять место своего нахождения в любой момент и переместиться в новое (пойти к другому информанту или поехать в другое село, принять участие в событии и проч.). Современные технические средства благоприятствуют такому стилю работы. Методологически данный способ полевых исследований подкрепляется получившим широкое распространение направлением — “полилокальной этнографией” (*multi-sited ethnography*) (см.: *Цзин* 2017; *Marcus* 1995: 95–117). Однако ребенок постоянно препятствовал нашему стремлению увидеть что-то неизвестное нам, побывать в другом месте. Он являлся своего рода “якорем”, не пускающим наш “корабль” в дальнейшее плавание. В поле мы чувствовали себя неповоротливыми, статичными, неподвижными. Однако локальность полевой работы, понимаемая нами не как привязка к месту, а как тесная связь с конкретными людьми, от которых зависит антрополог, может порой позитивно влиять на процесс сбора материала. В частности, она принуждает исследователя быть более внимательным к происходящему и приветливым в общении с информантами, чему способствуют многократные наблюдения повторяющихся событий, людей, действий. Работавшая с 1948 по 1951 г. в Амгуэмской тундре В.Г. Кузнецова, непростой полевой опыт которой характеризовался тотальной зависимостью от людей, у которых она жила (*Михайлова* 2015), писала: “На обратном пути домой Пененеут сказала, что они будут кочевать далеко, в Кунтелек. У меня забилось сердце — мне страшно хочется попасть в Кунтелек. Но мне не предложили кочевать с ними” (АМАЭ). Этнограф три года прожила фактически в одной семье, лишь иногда посещая соседние хозяйства. Она расстраивалась из-за

дефицита мобильности, однако полученный опыт позволил ей глубоко проникнуть во многие сферы повседневной жизни амгуэмских оленеводов, что, в частности, подчеркивали коллеги исследовательницы³.

На стадии работы над текстами к нам пришло понимание, что большинство этнографических примеров, которые иллюстрируют наши выводы, берутся из второй и третьей поездок, где основным методом было наблюдение и рефлексия над опытом пребывания в среде. В течение последних двух поездок мы более плотно занимались темами пищи и проблемой утилизации ресурсов в Арктике. Данная мысль, впервые возникнув, очень нас удивила, так как во время первого выезда, находясь в поле, мы думали прямо противоположным образом. Переосмысливая свой опыт, можем признать, что в каком-то смысле мы действительно глубже познавали местные пищевые практики во время двух последних экспедиций, потому что большинство наших мыслей и действий как антропологов-родителей было связано с вопросами питания. Но мы думали о еде не как ученые, исследующие местную диету, ее динамику и использование ресурсов, а как родители, чей ребенок стремительно теряет в весе.

Чем же были вызваны проблемы с питанием? Первый визит на полуостров состоялся зимой, что важно принимать во внимание, говоря о чукотской темпоральности снабжения. В это время года, после осенней навигации, продукты представлены на прилавках магазинов достаточно широко. Весной появляется дефицит товаров и наблюдается рост цен. В начале лета магазины стремительно пустеют — до тех пор, пока не придут новые корабли с продовольствием, и продукты не будут приняты на склады торговых компаний, что происходит уже ближе к концу летнего сезона. В этот же период сельские магазины заполняются большим количеством “просрочки” — продуктов, которые не были реализованы зимой в Эгвекиноте. Следует также отметить, что во время первой экспедиции мы большую часть времени жили в селе Амгуэма, которое располагается на Иульгинской трассе, связывающей порт и районный центр Эгвекинот на побережье Берингова моря с континентальной частью Иульгинского р-на Чукотского автономного округа. Благодаря этой дороге амгуэмцы могут добраться в пгт Эгвекинот на автобусе-вахтовке за два часа. Данный рейс осуществляется дважды в неделю. Мы, как и местные жители, ездили этим маршрутом за покупками в районный центр, в магазинах которого ассортимент был больше, цены ниже, а качество продуктов лучше. Стоянки бригад и село Нутэпальмен являются местами куда более изолированными, и выезд из тундры возможен только в случае следования транспорта из стоянки в село. Нутэпальмен связан с Эгвекинотом авиасообщением, причем вертолетный рейс зимой и весной осуществляется один раз в месяц. Кроме того, продовольствие в село завозят на вездеходах примерно два раза в месяц. Это означает, что люди рассчитывают по большей части на местные пищевые ресурсы.

Однако главная причина нашего беспокойства была связана с самим ребенком. Как мы уже отмечали, во время первой поездки наш сын был на грудном вскармливании. В качестве прикорма ему вполне хватало детского питания, привезенного нами из Санкт-Петербурга. В любом случае, ребенок питался молоком матери, что внушало нам, родителям, определенное спокойствие. И действительно, в период первой экспедиции наш сын был хорошо упитанным двухлетним малышом. Ко времени второй поездки грудное вскармливание было уже прекращено, но еда, к которой он привык дома, на Чукотке отсутствовала. Показательно, что многие коллеги, антропологи-североведы, которые представляют специфику полевой работы в Арктике и у которых есть дети, когда узнавали о нашем полевом опыте, спрашивали прежде всего о том, чем мы кормили ребенка.

Среди пищевых трудностей, с которыми мы столкнулись, отметим отсутствие молочной продукции, сложности в приобретении хорошего мяса, дефицит фруктов

и овощей, очень большое количество просроченных продуктов. Подчеркнем, что местные жители многое добывают в тундре и приобретают с помощью личных связей (напр., оленину, рыбу, китовый жир, мясо и жир моржа и нерпы, ягоды), а не покупают в магазине. Все эти особенности требуют определенных локальных знаний и навыков, необходимых для того, чтобы обеспечить себя пищей. Например, находясь в тундре, нужно уметь заказывать продукты по радиосвязи у друзей, знакомых или родственников, в селе — знать дни привоза тех или иных продуктов и договариваться с рыбаками и оленеводами о покупке у них пищевых ресурсов. В этой связи нам необходимо было понять, где и когда проходят пути перемещения продуктов и как они распределяются в сообществе. Но эти знания нужны были нам не столько как антропологам, а как родителям, чтобы мы могли обеспечить пищевую безопасность своему ребенку. Таким образом, находясь в поле, мы были вынуждены заниматься именно этим.

Описанные особенности нашей полевой работы явились важным заделом для разработки концепции проекта Российского научного фонда “Питание в Российской Арктике: ресурсы, технологии и инновации”, посвященного проблемам снабжения, распределения пищи и пищевой безопасности людей в удаленных арктических селах и тундре. В рамках этого проекта проводится исследование того, как люди на российском Севере в условиях “слабого” снабжения получают приемлемый для них пищевой ресурс. Другими словами, нас как исследователей заинтересовало, каким образом жители отдаленных северных поселений самостоятельно создают на микроуровне локальных сообществ условия для поддержания чувства своей пищевой безопасности. Находясь на Чукотке, мы, обеспокоенные собственной пищевой уязвимостью, неизбежно обращали внимание на локальные микросети распределения ресурсов, эксперименты по самостоятельному производству дефицитных продуктов, разнообразие техник их сохранения и обработки, а также на способы добычи пищи, порой нелегальные, в ходе взаимодействия с окружающей средой. Мы старались выявить пути приобретения и сохранения пищевого ресурса, зачастую скрытые от стороннего наблюдателя и являющиеся альтернативными государственной и частной торговой системам снабжения, а также стратегии местного населения, направленные на аккумуляцию продуктов питания. Подобные проблемы легли в основу упомянутого проекта.

Еще одним следствием нашей пищевой уязвимости, а также ряда других проблем, с которыми мы столкнулись, находясь в поле в сопровождении ребенка, стало стремление к приобретению автономности. Действительно, зависимость от местных жителей в вопросах обеспечения себя пищей, водой и топливом переносилась нами тяжело, так как означала, что мы не контролируем безопасность собственного сына, а ведь это и является в нашем представлении прямой обязанностью родителей. Многие люди были очень добры и внимательны к нам, помогали и выручали в различных сложных ситуациях: угощали нас свежей и вкусной пищей, делились водой, углем, дровами, учили топить печь, готовить на костре из сырых веток ивняка и т.д. Однако осознание собственной беспомощности порождало неприятные мысли и чувства. В результате в нас начало расти желание научиться жить на Чукотке так, чтобы быть менее зависимыми от внешних факторов. Кроме того, нам очень не хотелось становиться обузой для тех, с кем мы работали: оленеводов в тундре и жителей сел, к которым мы непрестанно обращались с теми или иными просьбами.

Наше стремление к автономному обеспечению себя различными ресурсами в самом начале выражалось, в частности, в намерении жить отдельно. Идеалом классической социальной антропологии, хотя и не всегда достижимым, является именно включенное наблюдение и проживание этнографа вместе с теми, кого он исследует. Характерным, например, является известное наставление В.Г. Богораза, которое он давал студентам: “Имейте в виду, <...> этнографом может стать только тот, кто не боится

скормить фунт крови вшам. Почему скормить, спрашивается? Потому что узнать и изучить народ можно, только если живешь с ним одной жизнью. А у них вошь — довольно распространенное животное” (*Гаген-Торн* 1994: 51). Мы же сознательно не стремились следовать данной стратегии, так как понимали, что подобный опыт будет тяжел как для принимающих нас людей, так и для нас самих и нашего ребенка. Как уже отмечалось, если во время первого выезда нам удалось поселиться в отдельной квартире, то в период второй и третьей экспедиций из-за отсутствия необходимой инфраструктуры нам пришлось делить кров с нашими информантами: в тундре мы жили в яранге, в Нутэпэльмене — в коттедже. Живя вместе с людьми, мы оказывались в сильной зависимости от них, что порождало еще большую потребность, пусть и в конечном счете не реализованную, в приобретении автономности.

К настоящему моменту нами было написано несколько статей, в том числе одна в соавторстве, в которых мы рассматриваем такие явления, как мобильность и снабжение пищей, в рамках концепции автономности (*Davydov, Davydova* 2018: 27–34; *Давыдов* 2019: 162–170; *Davydova* 2019: 1408–1424). В процессе исследования мы задались вопросом, не связана ли наша озабоченность собственным автономным существованием с размышлениями об автономности местных жителей? Во всяком случае, идея о связи зависимости людей от различных акторов в обеспечении себя ресурсами, чувства безопасности и мобильности родилась именно в поле (ПМА 2017–2018).

* * *

В данной статье было рассмотрено, каким образом стратегия полевого исследования всей семьей влияет на процесс получения и интерпретацию данных, а также позволяет выстраивать отношения с изучаемыми людьми. Присутствие в поле ребенка неизбежно оказывает воздействие на ход этнографической работы. Он, как и другие члены семьи, обладает агентностью и не просто влияет на отношения с информантами и на обсуждаемые с ними темы, на практики, в которых ученые принимают участие, но также совместно с родителями-антропологами, хотят они того или нет, создает методы работы, исследовательские фокусы и даже интерпретации увиденного и пережитого.

Однажды наш сын случайно стал свидетелем забоя оленей в тундре. В тот момент нам очень не понравилось, что он увидел смерть животного, так как мы думали, что нам придется объяснять сыну, что произошло с оленем, поскольку он прежде никогда не сталкивался с подобным. Однако реакция ребенка была совершенно неожиданной для нас. Когда олень лежал на земле и уже проходил сопровождающий забой чукотский обряд поения животного и подкладывания под его голову подстилки из веток (см.: *Богораз* 1939), описанный в этнографической литературе, наш сын сказал: “Оленя уложили отдохнуть”. После этих слов он ушел гулять по тундре и больше не интересовался происходящим. Другими словами, ребенок вообще не увидел ни убийства, ни, соответственно, жестокости по отношению к животному. По его мнению, олень просто заснул. Реакция нашего сына на произошедшее побудила нас задуматься о перформативности процесса забоя. Используя подход Ирвинга Гофмана (*Гофман* 2000, 2004) и наблюдая за чукотскими оленеводами, можно прийти к выводу, что они играют спектакль во время забоя, согласно которому олень словно засыпает и умирает без воздействия человека. Люди получают доступ к телу животного, но они как будто не участвуют в забое, скрывая сам момент умерщвления и делая вид, что ничего не произошло. В результате данные наблюдения были использованы в последующей работе при сопоставлении практики забоя в тундре и оленеубойном пункте.

Рис. 4. На рыбалке (фото авторов, 2018 г.)

Таким образом, мы хотим подчеркнуть, что ребенок не просто опосредованно направляет ход исследования, а, как живое мыслящее существо, обладает своими собственными впечатлениями, субъектностью, мнением, видением и интерпретациями пережитого им. Пирс Витебски также в свое время ездил в поле в Республику Саха (Якутия) со своей семьей. Полученный опыт он осмыслил в главе “Bringing My Family” книги “Reindeer People”. В ней он размышляет, как присутствие его жены, девятнадцатилетнего сына и десятилетней дочери повлияло на исследование. В частности, он подчеркивает, что жена и дети помогли ему увидеть то, чего он сам прежде не замечал. Находясь с ними в поле, он по-новому посмотрел как на свою семью, так и на принимавших их людей. Например, его жена и дочь указали ему на статичность женского мира, на которую он сам не обращал внимания (Vitebsky 2005: 339). Несмотря на то что наш сын был значительно младше детей Витебски, он тоже наблюдал, воспринимал, интерпретировал окружающий его мир и делился с нами своими наблюдениями, чувствами, эмоциями, суждениями и иногда вдохновлял своими реакциями на происходящее.

Производство антропологического знания осуществляется ситуативно (Korpela et al. 2016: 4). Сам контекст “семейного поля” привносит свою специфику в этот процесс. Читатель может возразить, что обозначенные в данной статье особенности способа получения нами этнографических знаний, непосредственно связанного с интерпретативной работой антрополога, не являются исключительными свойствами “семейного поля”, а сопряжены с социальным взаимодействием. Мы признаем, что исследователь, действующий самостоятельно, также может сталкиваться с непредсказуемыми ситуациями в поле, порождающими моменты серендипности, чувствовать собственную уязвимость и зависимость от местного сообщества, а также получать вдохновение, возникающее под воздействием интерпретаций других участников исследования (например, информантов). Однако наш опыт показывает, что ребенок форсирует названные процессы и зачастую не оставляет родителям-исследователям

возможности сгладить их воздействие на процесс сбора этнографических данных. Тем не менее переживаемые в ходе подобной полевой работы сложности способствуют выстраиванию отношений с информантами и предоставляют ученому новые возможности для познания жизни изучаемого сообщества.

Благодарности

Авторы выражают благодарность участникам полевого семинара Европейского университета в Санкт-Петербурге, полевого семинара МАЭ РАН, а также секции “Полевая этнография” на Конгрессе антропологов и этнологов России 2019 г. за ценные комментарии и предложения. Мы также благодарны и признательны многим людям, с которыми встретились на Чукотке, за их гостеприимство и внимание к нуждам нашей семьи. Мы осознаем, что только вследствие их готовности делиться своим опытом, знаниями и даже собственными ресурсами мы смогли не только собрать ценный этнографический материал, но и благополучно провести и завершить нашу наполненную рисками и родительскими тревогами полевую работу. Мы также благодарны анонимному рецензенту статьи, обратившему наше внимание на важные методологические аспекты.

Примечания

¹ См.: *Butler, Turner* 1987; *Cassell* 1987; *Cornet* 2013: 80–99; *Cupples, Kindon* 2003: 211–228; *Cornet, Blumenfield* 2016a; *Farrelly et al.* 2014: 25–56; *Flinn et al.* 1998; *Frohlick* 2002: 49–58; *Jones* 2012: 113–130; *Schrijvers* 1993: 143–158; *Starrs et al.* 2001: 74–87.

² См.: *Clifford* 1986: 17; *Cupples, Kindon* 2003: 211–228; *Gottlieb* 1995: 21–26; *Gupta* 2014: 394–400; *Korpela et al.* 2016: 3–20; *Rappaport* 2008: 1–31.

³ Личная беседа Е.Д. с к. и. н. Е.А. Алексеенко (1930–2017) – этнографом-североведом, исследователем кетов, старшим научным сотрудником МАЭ РАН.

Источники и материалы

ПМА 2017–2018 – Полевые материалы экспедиции авторов в Иульгинский р-н Чукотского автономного округа, декабрь 2017 – февраль 2018 г. Полевой дневник В.Н. Давыдова.

АМАЭ – Архив Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН. Кузнецова В.Г. Материалы из поездки к чукчам. 1948–1951 гг. Ф. К-1. Оп. 2. Д. 336.

Научная литература

Богораз В.Г. Чукчи. Ч. I, Социальная организация. Л.: Изд-во Института народов Севера ЦИК СССР, 1934.

Богораз В.Г. Чукчи. Ч. II, Религия. Л.: Изд-во Главсевморпути, 1939.

Гаген-Торн Н.И. Мемория. М.: Возвращение, 1994.

Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни. М.: Институт социологии РАН, 2000.

Гофман И. Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта. М.: Институт социологии РАН, 2004.

Давыдов В.Н. Использование ресурсов жителями Чукотки в контексте социально-экономических изменений // Кунсткамера. 2019. № 3 (1). С. 162–170.

Михайлова Е.А. Скитания Варвары Кузнецовой. Чукотская экспедиция Варвары Григорьевны Кузнецовой. 1948–1951 гг. / Отв. ред. Л.Р. Павлинская. СПб.: МАЭ РАН, 2015.

Урри Дж. Социология за пределами обществ: виды мобильности для XXI столетия. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012.

Цзин А.Л. Гриб на краю света. М.: Ad Marginem press, 2017.

Широкогоров С.М. Социальная организация северных тунгусов (с вводными главами о географическом распространении и истории этих групп) / Отв. ред. А.А. Сирина, В.Н. Давыдов. М.: Восточная литература, 2017.

- Широкогорова Е.Н.* Дневник экспедиции в Забайкалье летом 1912 года // Три века российской этнографии: страницы истории / Отв. ред. А.А. Сирина. М.: Восточная литература, 2018. С. 201–220.
- Butler B., Turner D.* (eds.) *Children and Anthropological Research*. N.Y.: Plenum, 1987.
- Cassell J.* (ed.) *Children in the Field: Anthropological Experiences*. Philadelphia: Temple University Press, 1987.
- Clifford J.* Introduction: Partial Truths // *Writing Culture: The Poetics and Politics of Ethnography* / Eds. J. Clifford, G.E. Marcus, M. Fortun, K. Fortun. Berkeley: University of California Press, 1986. P. 1–26.
- Cornet C.* The Fun and Games of Taking Children in the Field in Guizhou, China // *Red Stamps and Gold Stars: Fieldwork Dilemmas in Upland Socialist Asia* / Ed. S. Turner. Vancouver: UBC Press, 2013. P. 80–99.
- Cornet C., Blumenfield T.* (eds.) *Doing Fieldwork in China... with Kids! The Dynamics of Accompanied Fieldwork in the People's Republic*. Copenhagen: NIAS Press, 2016a.
- Cornet C., Blumenfield T.* Introduction: Anthropological Fieldwork and Families in China and Beyond // *Doing Fieldwork in China... with Kids! The Dynamics of Accompanied Fieldwork in the People's Republic* / Eds. C. Cornet, T. Blumenfield, Copenhagen: NIAS Press, 2016b. P. 1–18.
- Cupples J., Kinson S.* Far from Being “Home Alone”: The Dynamics of Accompanied Fieldwork // *Singapore Journal of Tropical Geography*. 2003. Vol. 24 (2). P. 211–228. <https://doi.org/10.1111/1467-9493.00153>
- Davydova E.A.* Food as an Energy Resource: Patterns of Accumulation and Use of Products in Chukotka // *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*. 2019. Vol. 12 (8). P. 1408–1424. <https://doi.org/10.17516/1997-1370-0457>
- Davydova E.A., Davydov V.N.* Diet of the North-Eastern Chukotka Reindeer Herders: The Change of Food Autonomy Regime // 5th International Multi-Disciplinary Scientific Conference on Social Sciences and Arts SGEM 2018. Conference Proceedings. Vol. 5, Ancience Science. Is. 2.2, Anthropology, Archaeology, History, Philosophy, Medieval and Renaissance Studies. Sofia: STEF92 Technology Ltd. P. 27–34.
- Farrelly T., Stewart-Withers R., Dombroski K.* “Being There”: Mothering and Absence/Presence in the Field // *Sites: New Series*. 2014. Vol. 11 (2). P. 25–56.
- Flinn J., Marshall L., Armstrong J.* (eds.) *Fieldwork and Families: Constructing New Models for Ethnographic Research*. Honolulu: University of Hawai'i Press, 1998.
- Frohlick S.* You Brought Your Baby to Base Camp? Families and Field Sites // *The Great Lakes Geographer*. 2002. Vol. 9 (1). P. 49–58.
- Gottlieb A.* Beyond the Lonely Anthropologist: Collaboration in Research and Writing // *American Anthropologist*. 1995. Vol. 97 (1). P. 21–26.
- Gupta A.* Authorship, Research Assistants and the Ethnographic Field // *Ethnography*. 2014. Vol. 15 (3). P. 394–400.
- Hardman C.* Can There Be an Anthropology of Children? // *Childhood*. 2001. Vol. 8 (4). P. 501–517.
- Jones C.* “You Can’t Bring a Child in Here, This Is a Place Where People Come to Do Serious Research Work!”: Negotiating Lone Motherhood and Fieldwork Identities // *Research Beyond Borders: Multidisciplinary Reflections* / Eds. L.-H. Smith, A. Narayan. Plymouth: Lexington Books, 2012. P. 113–130.
- Korpela M., Hirvi L., Tawah S.* Not Alone: Doing Fieldwork in the Company of Family Members // *Suomin Anthropology*. 2016. Vol. 41 (3). P. 3–20.
- Marcus G.* Ethnography in/of the World System: The Emergence of Multi-Sited Ethnography // *Annual Review of Anthropology*. 1995. Vol. 24. P. 95–117.
- Mauss M.* *The Seasonal Variations of the Eskimo: A Study of Social Morphology*. L.: Routledge & Kegan Paul, 1979.
- Rappaport J.* Beyond Participant Observation: Collaborative Ethnography as Theoretical Innovation // *Collaborative Anthropologies*. 2008. Vol. 1. P. 1–31.
- Schrijvers J.* Motherhood Experienced and Conceptualized: Changing Images in Sri Lanka and Netherlands // *Gendered Fields: Women, Men and Ethnography* / Eds. W.J. Karim, D. Bell, P. Caplan. L.: Routledge, 1993. P. 143–158.
- Ssorin-Chaikov N.V.* *Two Lenins: A Brief Anthropology of Time*. Chicago: Hau Books, 2017.
- Starrs P., Starrs C., Starrs G., Huntsinger L.* Fieldwork... with Family // *Geographical Review*. 2001. Vol. 91 (1–2). P. 74–87.

Vaté V. Building a Home for the Hearth: Analysis of a Chukchi Reindeer Herding Ritual // About the Hearth: Perspectives on the Home, Hearth and Household in the Circumpolar North / Eds. D.G. Anderson, R.P. Wishart, V. Vaté. N.Y.: Berghahn Books, 2013. P. 183–199.

Vitebsky P. Reindeer People: Living with Animals and Spirits in Siberia. L.: Harper Perennial, 2005.

Research Article

Davydova, E.A., and V.N. Davydov. The Professional and the Personal: An Experience of Fieldwork in Chukotka with the Entire Family [Professional'noe i lichnoe: opyt polevoi raboty na Chukotke vsei sem'ei]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2020, no. 3, pp. 121–140. <https://doi.org/10.31857/S086954150010052-7> ISSN 0869-5415 © Russian Academy of Sciences © Institute of Ethnology and Anthropology RAS

Elena A. Davydova | <http://orcid.org/0000-0002-9299-7551> | elenav0202@gmail.com | Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera), Russian Academy of Sciences (3 University Emb., St. Petersburg, 199034, Russia)

Vladimir N. Davydov | <https://orcid.org/0000-0003-2738-4609> | davydov.kunstkamera@gmail.com | Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera), Russian Academy of Sciences (3 University Emb., St. Petersburg, 199034, Russia)

Keywords

Arctic, Chukotka, fieldwork methods, reflection of field, auto-ethnography, production of knowledge, anthropology of food, autonomy, food security

Abstract

This article discusses the particularities of ethnographic work carried out by a researcher together with the members of his or her family. Reflecting on our own experience of three fieldwork trips to Chukotka in 2017–2019 with a total duration of six months, we examine how the presence of members of an anthropologist's family in the field, especially a child, affects the process of ethnographic work and collecting materials. The discussion focuses on methods of field research, the particular feature of which is the fact that we, as researchers and authors, were in the field with our own son. At the same time, during the three fieldwork trips, the methods of work with informants underwent significant transformations. An analysis of the context of ethnographic cases allows us to show the evolution both of the authors' views on the "field with children" and of the field research approaches employed. We discuss how a child, by means of own subjectivity, can influence the methods of fieldwork, the focus of observations, and even to a certain extent affect the process of anthropological interpretation. Taking the cases of work in villages and the tundra, we show how being in the field with children requires researcher's looking for autonomy and developing a safe food and nutrition strategy. We do not limit ourselves to describing positive and negative aspects or benefits and challenges of the fieldwork carried out in a company of family members; we also intend to show how anthropological knowledge can be produced in the field within the process of cooperation among parents-anthropologists, their children, and informants.

Funding Information

This research was supported by the following institutions and grants:
Russian Science Foundation, <https://doi.org/10.13039/501100006769> [grant no. 19-78-10002]

References

Bogoraz, V.G. 1934. *Chukchi* [Chukchi]. Pt. I, *Sotsial'naia organizatsiia* [Social Organization]. Leningrad: Izdatel'stvo instituta narodov Severa TsIK SSSR.

- Bogoraz, V.G. 1939. *Chukchi* [Chukchi]. Pt. II, *Religiia* [Religion]. Leningrad: Izdatel'stvo Glavsevmorputi.
- Butler, B., and D. Turner, eds. 1987. *Children and Anthropological Research*. New York: Plenum.
- Cassell, J., ed. 1987. *Children in the Field: Anthropological Experiences*. Philadelphia: Temple University Press.
- Clifford, J. 1986. Introduction: Partial Truths. In *Writing Culture: The Poetics and Politics of Ethnography*, edited by J. Clifford, G.E. Marcus, M. Fortun, and K. Fortun, 1–26. Berkeley: University of California Press.
- Cornet, C. 2013. The Fun and Games of Taking Children in the Field in Guizhou, China. In *Red Stamps and Gold Stars: Fieldwork Dilemmas in Upland Socialist Asia*, edited by S. Turner, 80–99. Vancouver: UBC Press.
- Cornet, C., and T. Blumenfield. 2016. Introduction: Anthropological Fieldwork and Families in China and Beyond. In *Doing Fieldwork in China... with Kids! The Dynamics of Accompanied Fieldwork in the People's Republic*, edited by C. Cornet and T. Blumenfield, 1–18. Copenhagen: NIAS Press.
- Cornet, C. and T. Blumenfield, eds. 2016. *Doing Fieldwork in China... with Kids! The Dynamics of Accompanied Fieldwork in the People's Republic*. Copenhagen: NIAS Press.
- Cupples, J., and S. Kindon. 2003. Far from Being “Home Alone”: The Dynamics of Accompanied Fieldwork. *Journal of Tropical Geography* 24 (2): 211–228. <https://doi.org/10.1111/1467-9493.00153>
- Davydov, V.N. 2019. Ispol'zovanie resursov zhiteliami Chukotki v kontekste sotsial'no-ekonomicheskikh izmenenii [The Use of Resources by Local People in Chukotka in the Context of Socio-Economic Changes]. *Kunstkamera* 3 (1): 162–170.
- Davydova, E.A. 2019. Food as an Energy Resource: Patterns of Accumulation and Use of Products in Chukotka. *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences* 12 (8): 1408–1424. <https://doi.org/10.17516/1997-1370-0457>
- Davydova, E.A. and V.N. Davydov. 2018. Diet of the North-Eastern Chukotka Reindeer Herders: The Change of Food Autonomy Regime. In *5th International Multi-Disciplinary Scientific Conference on Social Sciences and Arts SGEM 2018. Conference Proceedings*. Vol. 5, *Ancience Science*. Is. 2.2, *Anthropology, Archaeology, History, Philosophy, Medieval and Renaissance Studies*, 27–34. Sofia: STEF92 Technology.
- Farrelly, T., R. Stewart-Withers, and K. Dombroski. 2014. “Being There”: Mothering and Absence/ Presence in the Field. *Sites: New Series* 11 (2): 25–56.
- Flinn, J., L. Marshall, and J. Armstrong, eds. 1998. *Fieldwork and Families: Constructing New Models for Ethnographic Research*. Honolulu: University of Hawai'i Press.
- Frohlick, S. 2002. You Brought Your Baby to Base Camp? Families and Field Sites. *The Great Lakes Geographer* 9 (1): 49–58.
- Gagen-Torn, N.I. 1994. *Memoria*. Moscow: Vozvrashchenie.
- Goffman, I. 2000. *Predstavlenie sebja drugim v povsednevnoi zhizni* [The Presentation of Self in Everyday Life]. Moscow: Institut sotsiologii RAN.
- Goffman, I. 2004. *Analiz freimov: esse ob organizatsyi povsednevnogo opyta* [Frame Analysis: An Essay on the Organization of Experience]. Moscow: Institut sotsiologii RAN.
- Gottlieb, A. 1995. Beyond the Lonely Anthropologist: Collaboration in Research and Writing. *American Anthropologist* 97 (1): 21–26.
- Gupta, A. 2014. Authorship, Research Assistants and the Ethnographic Field. *Ethnography* 15 (3): 394–400.
- Hardman, C. 2001. Can There Be an Anthropology of Children? *Childhood* 8 (4): 501–517.
- Jones, C. 2012. “You Can't Bring a Child in Here, This Is a Place Where People Come to Do Serious Research Work!”: Negotiating Lone Motherhood and Fieldwork Identities. In *Research Beyond Borders: Multidisciplinary Reflections*, edited by L.-H. Smith and A. Narayan, 113–130. Plymouth: Lexington Books.
- Korpela, M., L. Hirvi, and S. Tawah. 2016. Not Alone: Doing Fieldwork in the Company of Family Members. *Suomin Anthropology* 41 (3): 3–20.
- Marcus, G. 1995. Ethnography in/of the World System: The Emergence of Multi-Sited Ethnography. *Annual Review of Anthropology* 24: 95–117.
- Mauss, M. 1979. *The Seasonal Variations of the Eskimo: A Study of Social Morphology*. London: Routledge & Kegan Paul.

- Mikhailova, E.A. 2015. *Skitaniia Varvary Kuznetsovoi. Chukotskaia ekspeditsiia Varvary Grigor'evny Kuznetsovoi. 1948–1951 gg.* [The Wanderings of Varvara Kuznetsova: Chukotka Expedition of Varvara G. Kuznetsova. 1948–1951], edited by L.R. Pavlinskaia. St. Petersburg.: MAE RAN.
- Rappaport, J. 2008. Beyond Participant Observation: Collaborative Ethnography as Theoretical Innovation. *Collaborative Anthropologies* 1: 1–31.
- Schrijvers, J. 1993. Motherhood Experienced and Conceptualized: Changing Images in Sri Lanka and Netherlands. In *Gendered Fields: Women, Men and Ethnography*, edited by W.J. Karim, D. Bell, and P. Caplan, 143–158. London: Routledge.
- Shirokogorov, S.M. 2017. *Sotsial'naia organizatsiia severnykh tungusov (s vvodnymi glavami o geograficheskom rasprostraneni i istorii etikh grupp)* [Social Organization of the Northern Tungus: With Introductory Chapters Concerning Geographical Distribution and History of These Groups], edited by A.A. Sirina and V.N. Davydov. Moscow: Vostochnaia literatura.
- Shirokogorova, E.N. 2018. Dnevnik ekspeditsii v Zabaikal'e letom 1912 goda [Diary of an Expedition to Zabaikal'e in Summer 1912]. In *Tri veka rossiiskoi etnografii: stranitsy istorii* [Three Centuries of Russian Ethnography: Pages of History], edited by A.A. Sirina, 201–220. Moscow: Vostochnaia literatura.
- Ssorin-Chaikov, N.V. 2017. *Two Lenins: A Brief Anthropology of Time*. Chicago: Hau Books.
- Starrs, P., C. Starrs, G. Starrs, and L. Huntsinger. 2001. Fieldwork... with Family. *Geographical Review* 91 (1–2): 74–87.
- Tsing, A.L. 2017. *Grib na kraiu sveta: o vozmozhnosti zhizni na ruinakh kapitalizma* [The Mushroom at the End of the World: On the Possibility of Life in Capitalist Ruins]. Moscow: Ad Marginem press.
- Urry, J. 2018. *Kak vygliadit budushchee?* [What Is the Future?]. Moscow: Delo.
- Vaté, V. 2013. Building a Home for the Hearth: Analysis of a Chukchi Reindeer Herding Ritual. In *About the Hearth: Perspectives on the Home, Hearth and Household in the Circumpolar North*, edited by D.G. Anderson, R.P. Wishart, and V. Vaté, 183–199. New York: Berghahn Books.
- Vitebsky, P. 2005. *Reindeer People: Living with Animals and Spirits in Siberia*. London: Harper Perennial.